

ЛЮСИ МОД
МОНТГОМЕРИ

ЛЮСИ МОД
МОНТГОМЕРИ

ЭНН ИЗ ЗЕЛЕННЫХ
МЕЗОНИНОВ

Москва

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
М77

Lucy Maud Montgomery
ANN OF GREEN GABLES

Перевод с английского *Елизаветы Столповской*

Литературный редактор *Анна Матвеева*

Художественное оформление серии *Луизы Бакировой*

Иллюстрация в марке серии:

© lelevien / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Монтгомери, Люси Мод.

М77 Энн из Зеленых Мезонинов / Люси Мод Монтгомери ; [перевод с английского Е. Столповской]. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-231642-5

Когда рыжеволосая Энн Ширли приезжает на остров Принца Эдуарда, она уверена, что наконец нашла дом, о котором всегда мечтала. Энн сирота, у которой не было детства, потому что и в приемных семьях, и в приюте, она работала как взрослая, никто не дарил ей тепла, ее жизнь до сих пор была «кладбищем надежд». Но ее новые приемные родители в замешательстве, ведь они просили прислать к ним мальчика, чтобы он помогал им на ферме в Зеленых Мезонинах. Девочка кажется им поначалу странной, постоянно попадает в неприятности, но со временем неумный оптимизм, богатая фантазия, добродушие Энн покоряют их и жителей Авонлея.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

© Столповская Е., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-231642-5 ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Памяти
моих отца и матери*

Твой путь осенили благие светила,
Тебя соткав из духа, света и росы...

Р. Браунинг. «Эвелин Хоуп»

Глава I

УДИВЛЯЕТСЯ

МИССИС РЭЙЧЕЛ ЛИНД

Дом миссис Рэйчел Линд стоял как раз в том месте, где главная дорога Эвонли спускалась в небольшую лощину, окаймлённую ольхой и венериными башмачками, и пересекала ручей, который брал своё начало ещё в лесах старой фермы Катбертов. Извилистый и стремительный, с тёмными таинственными омутами и бурными порогами, в ложбине возле дома Линдов он становился тихим и послушным ручейком: даже ему не позволено было протекать мимо дома миссис Рэйчел Линд без должного соблюдения приличий. Вероятно, он знал, что миссис Линд сидит у окна и внимательно следит за всем вокруг, не упуская из виду даже ручьи и детей, и если она заметит что-то странное или неуместное, то не успокоится, пока не разузнает, что случилось и почему.

Существует множество людей как в Эвонли, так и за его пределами, которые так усердно следят за делами соседей, что забывают о собственных. Однако миссис Рэйчел Линд принадлежала к числу тех умелых особ, которые прекрасно успевают и о своих заботах похлопотать, и о чужих в придачу. Она была

образцовой хозяйкой: все дела по дому у неё спорились, она ведала кружком кройки и шитья, помогала в воскресной школе, была главной опорой церковного благотворительного общества и общества помощи миссионерам. И даже с такими многочисленными заботами миссис Рэйчел хватало времени часами сидеть у окна на кухне за вязанием узорных хлопковых покрывал, коих она связала уже целых шестнадцать штук — к благоговеющему трепету местных домохозяек, — и зорко наблюдать за главной дорогой, спускавшейся в лощину и взбирающейся по крутому красному холму. Поскольку Эвонли располагался на маленьком треугольном полуострове, вдающемся в залив Святого Лаврентия и окружённом с двух сторон водой, то всякий, кто сюда приезжал или отсюда уезжал, непременно оказывался на этой самой дороге под невидимым, но всевидящим оком миссис Рэйчел.

Как-то раз в начале июня сидела она на своём привычном месте. Стоял тёплый и солнечный день, а сад, раскинувшийся на склоне за домом, подобно румяной невесте утопал в бело-розовых цветах, над которыми гудели рои пчёл. Томас Линд, кроткий человек, которого жители Эвонли называли попросту «мужем Рэйчел Линд», сеял позднюю репу на холме за сараем, а Мэттью Катберт в это время должен был засеять своё поле у ручья возле Зелёных Мезонинов. В этом миссис Рэйчел была уверена, ведь прошлым вечером она слышала, как в магазине Уильяма Блэра он рассказывал Питеру Моррисону, что на следующий день собирается заняться посевом. Вернее, Пи-

тер его об этом спросил, ведь Мэттью Катберт был не из тех людей, что станут по собственной воле рассказывать о своих делах.

И тем не менее именно он, Мэттью Катберт собственной персоной, в самый разгар трудового дня, в половине четвёртого, не спеша проехал лощину и поднялся на холм. Более того, одет он был в свой лучший костюм с белым воротничком, что ясно свидетельствовало о том, что направлялся он за пределы Эвонли. А раз он запряг в коляску свою гнедую лошадь, то путь явно предстоял неблизкий. Так куда же и зачем направлялся Мэттью Катберт?

Будь это любой другой житель Эвонли, миссис Рэйчел ловко бы соотнесла все известные обстоятельства и быстро обо всём догадалась. Но раз такой замкнутый домосед, как Мэттью, который терпеть не мог незнакомое общество и светские беседы, отправился в путь, да ещё и в белом воротничке и в коляске, то наверняка произошло нечто чрезвычайно важное и из ряда вон выходящее. Сколько миссис Рэйчел ни ломала голову, разгадка не находилась, и удовольствие её от послеобеденного досуга было безнадежно испорчено.

«Вот что, схожу-ка я после ужина в Зелёные Мезонины и выпрошу у Мариллы, куда это он поехал и зачем, — в конце концов решила эта достопочтенная дама. — В это время года он обычно не ездит в город, а в гости и вовсе никогда не ходит. Если бы у него кончились семена репы, то он не стал бы наряжаться и запрягать коляску. А если бы отправился за врачом, то ехал бы быстрее. И всё же это неспроста! Со вчераш-

него дня непременно что-то случилось. Решительно ничего не понимаю и не успокоюсь, пока не выясню, что же выманило Мэттью Катберта из Эвонли».

И вот после ужина миссис Рэйчел отправилась в путь. Идти до фермы Катбертов, впрочем, было недалеко — всего четверть мили. Там, среди сада, небрежно расположился их большой дом. Правда, от калитки до самого дома ещё предстояло пройти по длинной дорожке. Отец Мэттью и Мариллы Катберт, такой же замкнутый и молчаливый, как и его сын, постарался забраться как можно дальше от соседей, а потому дом с зелёными мезонинами оказался на самом дальнем краю их участка, прямо возле леса. Там он и находился по сей день, едва различимый с главной дороги, вдоль которой весьма дружно стояли все остальные дома в Эвонли.

— Разве же это жизнь? Это просто прозябание — вот что это! — рассуждала миссис Линд, ступая по ухабистой дорожке, заросшей травой и обрамлённой шиповником. — Неудивительно, что и Мэттью, и Марилла такие чудные, живут тут сами по себе. С деревьями-то особо не поговоришь, хотя уж их здесь более чем достаточно. Мне куда ближе общество людей. Впрочем, Катберты, кажется, вполне довольны, но, полагаю, это дело привычки. Как говорят ирландцы, человек даже к виселице привыкнет.

За этими рассуждениями миссис Рэйчел дошла до зелёного и ухоженного заднего двора Зелёных Мезонинов. По одной его стороне росли раскидистые ивы, а по другой — строгие тополя. Здесь не было ни одной лишней веточки, ни единого камушка, кото-

рые бы бросились миссис Рэйчел в глаза. Втайне она считала, что Марилла Катберт подметает двор так же часто, как и дом, — хоть с земли ешь.

Миссис Рэйчел бойко постучала в дверь, ведущую в кухню, и, дождавшись приглашения, вошла. Кухня Зелёных Мезонинов была светлая и уютная — вернее, она была бы уютной, если бы не пугающе безукоризненная чистота, словно в парадной гостиной. Окна смотрели на запад и на восток: сквозь западное, которое выходило на задний двор, лился мягкий свет июньского солнца, восточное же было почти полностью обвито виноградной лозой, и через него едва виднелись белоснежные вишни и покачивающиеся у ручья стройные берёзки. У этого-то окна в редкие минуты отдыха и сидела обычно Марилла Катберт. Солнечные лучи казались ей слишком уж игривыми и легкомысленными для этого мира, который следовало воспринимать не иначе как всерьёз. Здесь она сидела за вязанием и сейчас, а на столе ждал своего часа ужин.

Едва ступив на порог, миссис Рэйчел подметила всё, что было на столе. Три прибора — значит, Мэтью вернётся не один. Но посуда — самая обычная, а из еды — простой пирог да яблочное варенье. Выходит, гость не самый важный. Но к чему тогда белый воротничок и гнедая лошадь? У миссис Рэйчел голова пошла кругом от неожиданной тайны, окутавшей всегда спокойные и отнюдь не таинственные Зелёные Мезонины.

— Добрый вечер, Рэйчел, — бодро произнесла Марилла. — Погода сегодня просто чудесная, правда? Присаживайся. Как дела дома?

Несмотря на различие их характеров, а может, и благодаря ему, Мариллу Катберт и миссис Рэйчел Линд всегда связывало нечто вроде дружбы — за неимением более подходящего слова.

Марилла была женщиной высокой и худощавой, с прямой угловатой фигурой. Её тёмные с проседью волосы всегда были собраны в тугий пучок, проткнутый двумя беспощадными шпильками. Она производила впечатление человека, может, и не во всём опытного, но нравственно непоколебимого, и впечатление это было совершенно верным. Лишь в уголках её рта таился скромный намёк на чувство юмора.

— У нас-то всё хорошо, — ответила миссис Рэйчел. — А вот за твоё здоровье я не на шутку испугалась, как увидела сегодня Мэттью. Уж не за доктором ли, думаю, поехал?

По губам Мариллы пробежала понимающая улыбка. Она ожидала прихода миссис Рэйчел, зная, что внезапный отъезд брата непременно возбудит любопытство соседки.

— Что ты, я совершенно здорова, хотя вчера у меня очень болела голова, — ответила Марилла. — Мэттью поехал в Брайт-Ривер. Мы решили взять мальчика из приюта в Новой Шотландии. Он приедет сегодня вечерним поездом.

Если бы Марилла сказала, что Мэттью поехал в Брайт-Ривер за австралийским кенгуру, то миссис Рэйчел удивилась бы меньше. На целых пять секунд она онемела от изумления. Немыслимо было себе представить, что Марилла решила над ней подшутить, но иного объяснения просто не находилось.

— Марилла, ты серьёзно? — смогла выдавить миссис Рэйчел, когда к ней наконец-то вернулся дар речи.

— Разумеется, — ответила Марилла, словно усыновление мальчиков из приютов Новой Шотландии было не новой и смелой идеей, а обычным делом для любой порядочной фермы в Эвонли.

Миссис Рэйчел потеряла всякое самообладание. В мыслях её остались одни лишь восклицания. Решили взять мальчика! И не кто-то! А Марилла и Мэттью Катберт! Из приюта! Мир сошёл с ума! После такого её уж ничем не удивить! Решительно ничем!

— Да как вам такое могло прийти в голову? — неодобрительно спросила она.

У неё никто даже не спросил совета по поводу этой затеи, а потому Марилла заслуживала решительного осуждения.

— Ну, мы это обдумывали некоторое время — точнее, всю зиму. Прямо перед Рождеством к нам заходила миссис Спенсер и упомянула, что весной собирается взять девочку из приюта в Хоуптауне. У неё там живёт двоюродная сестра. Миссис Спенсер ездила к ней в гости и всё разузнала. Так что мы с Мэттью тоже задумались, а не взять ли нам мальчика. Мэттью ведь не молодеет, ему шестьдесят, он уже не так прыток, как раньше. Да и сердце всё чаще беспокоит. Найти на ферму работника, сама знаешь, задача не из лёгких. Тут одни только глупые французские мальчишки. Чуть обучишь такого — как он уже на заводе консервирует лобстеров, а то и вовсе уехал в Штаты. Сначала Мэттью предложил взять

кого-то из тех сирот, которых привезли из Англии, но я твёрдо отказалась. Может, они и славные ребята, я не спорю, но меня от лондонских бродяжек избавьте. Лучше уж взять кого-нибудь из наших мест. Риск будет так или иначе. Но с канадцем под одной крышей спать мне будет спокойнее. Так что в итоге мы решили попросить миссис Спенсер выбрать нам какого-нибудь смышлёного покладистого мальчика лет десяти-одиннадцати: в таком возрасте он уже и по хозяйству сможет помогать, и воспитать его как следует мы ещё успеем. Здесь он получит и крышу над головой, и образование. На прошлой неделе мы узнали, что вскоре она поедет за своей девочкой, и передали нашу просьбу через родственников Ричарда Спенсера в Кармоди. А сегодня почтальон принёс со станции телеграмму: они приедут поездом в полшестого. Вот Мэттью и отправился в Брайт-Ривер, чтобы мальчика встретить. Миссис Спенсер оставит его на станции, а сама поедет дальше в Уайт-Сэндс.

Миссис Рэйчел гордилась тем, что всегда прямо высказывала своё мнение. Собравшись с мыслями после такого поразительного известия, она приступила к исполнению своего долга.

— Вот что, Марилла, скажу без обиняков: вы делаете ужасную глупость, притом совершенно безрасудную. Это такой риск! Вы понятия не имеете, кого пускаете в свой дом. Это чужой ребёнок, вы о нём ничего не знаете: ни какой у него характер, ни какие у него были родители, ни каким он вырастет. Да я только на днях читала в газете, как одна пара —

тоже с нашего острова, с запада — взяла из приюта мальчишку, так он ночью дом поджѐг. Нарочно! Они чуть заживо не сгорели в своих постелях. Или вот был другой случай: приѐмыш высасывал сырые яйца и оставлял в курятнике одни скорлупки, так и не смогли его от этого отучить. Спроси вы моего совета — а вы, Марилла, не спросили! — то я бы сказала: ради всего святого, даже не думайте! Так-то!

Эти благие назидания, казалось, ничуть не расстроили и не встревожили Мариллу. Не прекращая вязать, она ответила:

— Не стану отрицать, что в твоих словах есть доля правды. Я и сама долго сомневалась. Но я видела, как проникся этой идеей Мэттью, и согласилась. Он так редко чего-то по-настоящему хочет, что в такие минуты я всегда чувствую, что мой долг — уступить. Что же до риска, так в нашем мире он есть в любом деле. Даже своих детей заводить — это риск, тоже не знаешь, какими они вырастут. Ну а Новая Шотландия отсюда — рукой подать. Мы ведь ребёнка берѐм не из Англии или Штатов. Вряд ли он будет сильно от нас отличаться.

— Что ж, надеюсь, что всё обойдѐтся, — произнесла миссис Рэйчел тоном, выдававшим её тревожные сомнения. — Только не говори потом, что я тебя не предупреждала, если он сожжѐт Зелѐные Мезонины или бросит в колодец крысиный яд. Слышала я о таком случае в Нью-Брансуике — вся семья скончалась в страшных муках. Правда, там была девочка.

— Ну а мы берѐм не девочку, — отрезала Марилла, словно отравление колодцев было сугубо жен-